

БРИССО О ГОСУДАРСТВЕ

Французская революция XVIII века:
Экономика, политика, идеология.
М., 1988. С. 109-128.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век
Просвещения ©

Жирондисты - одна из наименее изученных политических группировок, находившихся у власти в годы французской революции. О них не написано, как справедливо отметил А.Собуль¹, ни одного удовлетворительного обобщающего труда. До сих пор остаются невыясненными многие существенные вопросы. Каково место жирондистов в революционном процессе? Каков характер общественных потребностей, которые проложили им дорогу к власти в 1792 г., изгнали из Конвента в 1793 г. и вновь призвали к участию в управлении после 9 термидора? Каков «механизм» включения их в революцию на восходящей и нисходящей стадиях ее развития? Одно из условий научной разработки этих вопросов - выявление представлений лидеров Жиронды, в частности Бриссо, о государственной власти.

Проблема отношения жирондистов к государству затрагивается во многих исследованиях, посвященных судьбам идей Просвещения накануне и в годы революции. Советский историк права П.И.Люблинский рассматривал работы Бриссо о законодательстве в одном ряду с трудами Монтескье, Беккария, Вольтера, Марата, Робеспьера, Блэкстона, Бентама, Говарда, Радищева, Фридриха II, Екатерины II и Иосифа II, отмечая некоторую общность их исходных посылок. Она восходит, по его мнению, к Морю и может быть охвачена термином «Просвещение»². Другой советский правовед А.А.Герцензон не согласился с таким подходом к истории общественной мысли XVIII в., ибо в нем не учитывались принципиальные политические, классовые различия между правовыми взглядами, например, Марата и идеологов шедшей к власти буржуазии³. Кроме того, он заметил, что Бриссо в своих сочинениях «постепенно выхолащивал все то прогрессивное, что ранее воспринимал из работ Монтескье и даже Руссо», превращаясь из автора законодательных проектов, вдохновленных Просвещением, в «идеолога крупной буржуазии, стремящегося покончить с революционной законностью и правосудием»⁴. В.П.Волгин, основываясь главным образом на дореволюционных работах Бриссо, в целом оценивал его социально-политические воззрения как умеренно буржуазные, однако поместил главы о Руссо, Марате, Ленге и Бриссо в один раздел «Демократы и уравниатели»⁵. Представлениям деятелей Жиронды о государстве определенное внимание уделено в книге английской исследовательницы Дж.Макдоналд «Руссо и Французская революция 1762-1791»⁶. В ней приведены не только ссылки жирондистов на Руссо, но и их критические замечания о некоторых фундаментальных положениях его политической теории (они, например, защищают представительный режим от «обвинений» Руссо в узурпации прав народа). Французский ученый Р.Барни со своей стороны отмечает расхождение жирондистов с Руссо в государственно-правовых вопросах, но приходит к выводу о существовании особого «жирондистского руссоизма», которому уже в 1789 г. была свойственна приверженность догме, букве сочинений Руссо; этим, по его мнению, он отличался от «робеспьеризма», который до определенного времени следовал духу творчества великого женеваца⁷. Иной точки зрения придерживается соотечественник Р.Барни - М.Дориньи⁸. Он проводит грань между политической теорией Руссо и «жирондистской доктриной», пытается показать степень их расхождения. Жирондисты, считает Дориньи, сводят роль государства к минимуму, тогда как Руссо рассматривает его как некий абсолют, регулирующий все социальные отношения и обеспечивающий выполнение условий общественного договора. Французская исследовательница Ж.Шомье, специально занимавшаяся жирондистами, обращает внимание прежде всего на их «духовное единство», уходящее корнями в Просвещение и Гуманизм. Касаясь своеобразия жирондистского подхода к проблеме «свобода и власть», она утверждает, что деятели Жиронды в противоположность монтаньярам высоко ценили свободу индивида и стремились по возможности ослабить ограничение ее властью общества. В работе Ж.Шомье интересны факты, свидетельствующие, по ее мнению, о неизменности или, по крайней мере, преемственности жирондистского толкования проблем государственной власти до изгнания жирондистов из Конвента и после 9 термидора.

Именно это, полагает автор, привело в годы Директории к возобновлению активной политической деятельности тех из них, кто уцелел в период якобинской диктатуры. Ж.Шомье уверена, что жирондисты признавали в определенных условиях право народа на восстание⁹. Это утверждение противоречит мнению Р.Барни, который считает, что неприятие революционного действия - часть политической теории жирондистов, роднящей их с Руссо¹⁰. Определенный вклад в исследование политической теории и практики Жиронды внес английский историк Н.Хэмсон, посвятив две главы одной из своих последних книг Бриссо¹¹. Он отказался от абстрактных и зачастую недостаточно обоснованных рассуждений о жирондистской доктрине и, начав с изучения творческого наследия лидера Жиронды, сделал затем ряд существенных наблюдений о противоречивом отношении Бриссо к государству еще до 1789 г. Н.Хэмсон считает, что апология просвещенного абсолютизма - сильной центральной власти, способной провести необходимые реформы, - уживается в сочинениях Бриссо с пропагандой такого государства, роль которого в жизни общества незначительна, а подданным предоставлены самые широкие экономические, социальные и политические свободы; кроме того, уже в 1787 г. Бриссо выступал за упразднение имущественного ценза. Историк обращает внимание и на то, как Бриссо представлял себе формы проявления «общей воли»: с 1789 г. он призывал к созыву национального конвента и проведению референдумов¹². Однако Н.Хэмсона интересует, собственно, не Бриссо, а, прежде всего, влияние на него и на других революционеров идей Руссо и Монтескье (кстати, их наследие он оценивает как нечто противоположное). Проводя параллели между идеями этих двух просветителей и высказываниями Бриссо и Робеспьера, Хэмсон стремится найти общность в политических теориях лидеров Жиронды и Горы, исходя из весьма приблизительного совпадения содержания их выступлений и не учитывая исторический контекст, заключенный в этих выступлениях. Поэтому, изучая наследие вождя Жиронды, нам представляется необходимым изменить угол зрения, идти от самого Бриссо, от внутренней логики его работ, наметив круг вопросов, рассмотрение которых призвано осветить тему «Бриссо о государстве».

Поиск в этом направлении оказывается возможным благодаря имеющимся в нашем распоряжении 399 номерам (из 1388 вышедших с 1789 по 1793 г.) газеты Бриссо «Патриот Франсэ» из коллекций Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Воронцовского фонда Научной библиотеки Одесского университета, его многочисленным памфлетам, выступлениям в Якобинском клубе и революционных ассамблеях, мемуарам¹³. На основании этих источников мы рассмотрим представления Бриссо о власти - политическом стержне революции. Эволюция мнений Бриссо о целесообразности той или иной формы правления достаточно известна. После 14 июля 1789 г. он - «демократический» сторонник конституционной монархии; начиная с декабря 1790 г. ратует за республику; апогей его республиканизма на этом этапе - лето 1791 г. В марте 1792 г. при участии Бриссо формируется королевское правительство, и вплоть до июля он не поддерживает республиканскую идею. Наконец, с августа 1792 г. Бриссо - республиканец и остается таковым до дня своей гибели. Поскольку эта сторона отношения лидера Жиронды к государству уже разрабатывалась в историографии¹⁴, мы обратились к иным проблемам, которым сам Бриссо уделял большое внимание: отчуждение власти, право на восстание, учредительная власть и патриотические общества.

Уже в середине 80-х годов появились работы Бриссо о природе и характере государства, а именно «Письма защитника народа императору Иосифу II» (1785) и «Письмо императору о жестокости наказаний, которыми он заменил смертную казнь» (1787)¹⁵. Общество, по убеждению автора, не может существовать без власти. Источник ее - народ и никто больше¹⁶. Для подтверждения этих мыслей, широко распространенных во Франции последней трети XVIII в., Бриссо обращается к авторитету Ричарда Прайса - английского философа и публициста, с которым он встречался в Лондоне в 1782-1784 гг., и конституции Пенсильвании - предмету неизменного восхищения будущего жирондиста¹⁷.

Публичная власть учреждается самим обществом, и, следовательно, ее целью должно быть лишь благо этого общества. Бриссо уверен в универсальности данного правила: в соответствии с просветительской традицией он выводит его из неизменной человеческой природы¹⁸. Лучшая форма правления должна обеспечить незыблемость вытекающих из этой природы естественных прав человека и создать наиболее благоприятные условия для его физического и морального бытия. Выполнить эту задачу способна лишь демократическая республика, все остальные формы государственной власти - результат злоупотребления и узурпации; они никогда не могут быть законными, сколь бы продолжительным ни был срок их существования¹⁹. Итак, идеальная цель государства, по Бриссо, - создание оптимальных

условий для реализации прав и потребностей граждан. Но о каких правах и потребностях идет речь? Как разрешает он сложный вопрос о характере взаимоотношений между личностью и государством? Бриссо высказывает свое мнение на этот счет во втором письме Иосифу II.

«Нужно пояснить, - писал он, - что такое "государство"... Если государство - то же самое, что и совокупность лиц, составляющих общество, то будет неверно требовать, чтобы индивидуум обогащал его. Становясь членом общества, гражданин обязан уважать законы, общество же, обретая гражданина, призвано заботиться о его благополучии. Если индивид делает что-то сверх своей обязанности, если он наделен талантами и дарит их плоды другим, то речь идет о проявлении добродетели, великодушия, а не исполнении долга, обязательства. Те, кто внушают обратное, сеют заблуждение. Они изобретают оковы человеку и способностям, которые небо предназначает лишь для благосостояния их обладателя»²⁰. Итак, люди обязаны подчиняться законам, без чего общежитие невозможно, но способности свои должны использовать, прежде всего, для удовлетворения собственных потребностей. Бриссо не лишает моральной поддержки деяния на пользу ближнему, когда они совершаются без принуждения.

«Если же государство, - рассуждает далее Бриссо, - это правительство страны, то стремление не обогащать его вовсе не преступление, а акт патриотизма. Ведь правительство сильно лишь тогда, когда подавляет подданных, богато лишь тогда, когда грабит их»²¹. По-видимому, Бриссо склонен видеть в государстве не общество, не совокупность входящих в него индивидов, а правительство, правительственную власть, особую организацию, совершенно отчужденную от общества и живущую за счет его членов.

Крайне негативное толкование государственной власти как таковой, противопоставление правительства обществу - один из основополагающих принципов политической доктрины Бриссо накануне революции. Возможно, наилучшим образом это раскрывается в интерпретации им проблемы «власть и доверие». Еще в 1782 г. в одном из выпусков своей «Всемирной корреспонденции», издававшейся в форме переписки между учеными различных стран для подготовки реформы законодательства, Бриссо писал: «Поскольку властолюбие столь сильно владеет сердцем высокопоставленного человека, следует всегда ожидать от него зла, остерегаться его. Любое правительство, будь оно монархическим, демократическим или аристократическим, стремится расширить и упрочить свою власть за счет общества. Само его процветание предполагает неблагополучие общества»²². Недоверие к власти независимо от формы правления во многом определяет позицию Бриссо. Он подчеркивает, что даже в демократической республике возможны злоупотребления, причем должностные лица могут быть заинтересованы в их сохранении; не исключено и превышение полномочий самими делегатами народа²³. В этой связи Бриссо упоминает о волнениях в Женеве в 1738, 1768 гг. и особенно подробно о волнениях в 1782 г.²⁴ По его мнению, опыт женеvцев доказывает тщетность попыток создать «правительство доверия»²⁵. В «Замечании о последних беспорядках в Женеве», появившемся в качестве своеобразного приложения к «Плану действий народных депутатов в Генеральных Штатах 1789 г.», Бриссо пишет: «Что такое правительство даже в свободных странах? Его составляют люди, которым поручено осуществлять законы. Избираются они народом или нет? В последнем случае они более всего опасны. Интересы этих людей требуют расширения по мере возможности их власти и не совпадают с благом общества в целом. Следовательно, правителей нужно постоянно остерегаться, а не доверять им. Если они избраны и долго остаются на своих постах, то есть опасность, что их наслаждение властью обернется привычкой, стремлением сохранить ее и приумножить. Желание властвовать и деспотизм - в природе человека...»²⁶. Доверия может удостоиться лишь то правительство, представители которого выборны и часто сменяемы. Но избранникам доверять не следует, так как «они стараются снискать популярность, дабы сохранить свои места. . .» . Любопытно, что принцип недоверия к институтам и носителям власти Бриссо распространяет даже на постоянно прославляемые им учреждения Соединенных Штатов, замечая, что там, как и везде, конгресс и легислатуры (законодательные собрания штатов) заинтересованы в ограблении народа²⁸.

«Я склонен думать, - отмечал в 1785 г. Бриссо, - что при любых правительствах, свободных и несвободных, достойный человек, добрый патриот всегда должен быть на стороне оппозиции, ибо власть, сколько ее ни сдерживай... постоянно посягает на права граждан. . .»²⁹. Тотального недоверия, по мнению Бриссо, заслуживает не только правительство в собственном смысле слова, но также органы законодательства и юстиции³⁰. «Даже при наилучших формах правления, - писал он, - исполнительная и законодательная власть будут сражаться с обществом»³¹. Таким образом, до революции Бриссо утверждал, что никакая власть доверия не заслуживает, однако степень недоверия к ней может быть разной и зависит от формы правления.

Не изменил ли он это мнение после 1789 г.? В период Вареннского кризиса, например, Бриссо упрекал политических противников в стремлении восстановить «правительство без доверия»³². Возможно ли, чтобы этот упрек означал лишь высшую меру недоверия Бриссо к Людовику XVI и его советникам? Нам кажется, что нет, ибо тогда он допускал вероятность существования «правительства доверия»: «Если вам угодно, - писал Бриссо, - вдохнуть доверие в исполнительную власть, хотя и сосредоточенную в руках короля, следует окружить его независимым сменяемым советом, избираемым народом или его представителями»³³.

Позднее, в январе 1792 г., он утверждал в «Патриот Франсэ», что «народ всецело полагается на своих выборных представителей и одобряет принятые ими декреты как санкционированные, так и несанкционированные»³⁴. 8 марта того же года, накануне создания первого жирондистского министерства, Бриссо прямо требовал организовать правительство, заслуживающее доверия, усматривая в этом надежное средство прекратить «хлебные бунты»³⁵. В июле, доказывая необходимость объявить отечество в опасности, лидер Жиронды заявил, что сила Собрания - в доверии народа³⁶. 10 августа, одобряя проект Гюаде о формировании нового правительства, Бриссо советовал предварительно объявить, что «существующее правительство не пользуется доверием нации»³⁷. Так, Бриссо в годы революции, еще до создания второго «жирондистского кабинета», постепенно перешел от вопроса о степени недоверия к власти к вопросу о степени доверия к ней. Видимо, он осознал, что во Франции наметились такие коренные изменения государственного строя, которые необходимо сохранить и упрочить.

Подметить это превращение, сколь бы трудноуловимым и мимолетным оно ни представлялось, помогает разительное изменение предлагаемого Бриссо критерия в подборе государственных чиновников. 4 августа 1789 г. «Патриот Франсэ» писал: «Общественному благу не грозит беда, если должности и высокие посты достаются порой людям неспособным или недостойным. Постоянное пребывание на должностях людей, приучая к их почитанию, ослабляет над ними контроль и незаметно губит свободу. Что касается глупости, то она возбуждает общественный контроль, ставит чиновничеству надлежащие пределы, поддерживает умы в спасительном недоверии»³⁸. 24 октября 1792 г. в своем знаменитом памфлете о парижских якобинцах Бриссо обвинял их в коварном стремлении уравнивать не только имущества, но также таланты, знания и добродетели. «Они прекрасно понимают, что преступление воцарится, как только народ утратит непреодолимое чувство, побуждающее его воздавать должное превосходству талантов и добродетелей, ибо чувство это подразумевает любовь к порядку. Удалите эту любовь из непрочного еще свободного государства, и общество окажется лишь бойней, где законы диктует самый кровожадный каннибал»³⁹. Итак, в 1789 г. глупец - вполне приемлемый и даже желательный кандидат на ответственный пост, и граждане от этого только выигрывают, а в 1792 г. - талантливый, добродетельный человек вытесняет глупца. В 1793 г. Бриссо совершенно определенно подтверждает такой вывод: «Высокие посты должны быть предоставлены одаренным и добродетельным людям, общественное процветание является следствием оказываемого им предпочтения»⁴⁰. Таким образом, появление «достойных» людей в администрации призвано способствовать росту доверия к власти, а значит - и постепенному отождествлению государственных интересов с общественными, стабилизации.

Проблема отчуждения власти неизбежно ставит вопрос о сопротивлении этой власти, о праве на восстание. В литературе о жирондистах, насколько нам известно, впервые на эту проблему обратила внимание Ж.Шомье. Она полагает, что жирондисты считали народное восстание законным во всех случаях, кроме одного, - когда народ поднимается против своих законных представителей. Ж.Шомье приводит следующие доказательства: Кондорсе вписал право на восстание в проект конституции 1793 г., его коллеги одобрили события 14 июля, 10 августа, наконец, восстание департаментов против Парижа с целью освобождения Конвента от тирании Коммуны. Кризис V года вызвал раскол среди уцелевших жирондистов и впервые, по мнению Ж.Шомье, поколебал их убежденность в неприкосновенности народного представительства. Отсюда - поддержка большинством жирондистов государственного переворота 18 фрюктидора. При этом Ж.Шомье подчеркивает: несмотря на объединение в V году большинства бывших жирондистов и монтаньяров для защиты республики, к перевороту они отнеслись по-разному. Для монтаньяров и речи не могло быть о какой-то душевной драме, жирондисты же остро ощущали двусмысленность своих действий с точки зрения законности⁴¹.

Однако письма «защитника народа» Иосифу II существенно корректируют эту картину. В первом из них Бриссо утверждает: «Очевидно, что восстание преступно там, где власть исходит от народа... Демократические республики - единственные государства такого типа, а значит, восстание может быть преступлением лишь в этих республиках». Но он замечает, что и в

демократической республике возможны всяческие злоупотребления должностных лиц, коррупция, посягательство представителей на национальный суверенитет, следовательно, и там «народ имеет право сопротивляться власти, сместить своих уполномоченных и употребить силу против силы, поддерживающей злоупотребления». Восстание народа есть лишь выражение «общей воли», сопротивление ей - мятеж⁴². Итак, народ, по мнению Бриссо в 1785 г., имеет полное право на восстание против власти, даже демократической и республиканской, если она попирает «общую волю». Критерий «законности» восстания, по Бриссо, не форма правления, а степень извращения властью «общей воли». Таким образом, тезис, выдвинутый Ж.Шомье, нуждается в уточнениях с учетом дореволюционных источников.

Попробуем проследить развитие взглядов самого Бриссо на правомерность восстания народа. По-видимому, впервые он затронул эту тему в «Философских письмах о св.Павле» - памфлете, написанном в Шартре не позднее 1774 г.⁴³ и анонимно изданном в Невшателе в 1783 г. В этой работе Бриссо критикует теорию божественного происхождения власти, восходящую к посланиям св. Павла, и рассматривает восстание против нее как естественное следствие нарушения Государем общественного договора. Памфлет не случайно был опубликован анонимно - его автор счел возможным почти открыто напасть на последних французских королей и объявить пороки их правления достаточным основанием для восстания народа: «Когда праздные короли запрутся во дворцах и станут напоминать о своем существовании лишь бедствиями государства, когда властолюбивый король предпочтет лавры победы любви подданных, когда король-сластолюбец заснет на лоне неги, чтобы не слышать криков страдальцев, когда король будет слишком слаб, чтобы вынести тяжесть венца, тогда подданные смогут избавиться от него - они несчастны. Тогда их не увидят трусливо стремящимися к алтарям, чтобы просить у бога продления дней тех, кого они ненавидят. Тогда они поднимут голову и раздастся вопль всеобщего возмущения. Это будут не мятежные крики. Их продикует сама природа»⁴⁴. Так восстание против Государя, не заботящегося о своих подданных, нарушающего общественный договор, получает у Бриссо санкцию естественного права. «Что бы узурпаторы, захватчики ни говорили о восстании, о мятежном огне этого смелого деяния, оно тем не менее остается законом природы»⁴⁵.

В упоминавшихся письмах Иосифу II Бриссо развивает свою точку зрения на восстание. Поводом послужило подавление австрийцами в 1784 г. крестьянского движения в Трансильвании. По мнению Бриссо, обращенному, хотя и анонимно, к одному из самых последовательных «просвещенных деспотов», восстание в любой монархической стране никогда не может быть преступлением⁴⁶. Вариант «Государь и его верные подданные, взаимно уважающие друг друга», по сути дела, отвергается им «с порога». И это неудивительно: еще в 1782 г. он писал, что «нет ни одного короля, действительно радеющего о благе народа, ни одного, кто будучи в силах, не был бы деспотом»⁴⁷. Вероятно, уже в первой половине 80-х годов Бриссо показалось бы старомодным суждение Луи де Жокура, одного из авторов «Энциклопедии» (в том числе статей «Революция» и «Восстание»), сотрудника Дидро, друга и почитателя Монтескье, допускавшего возможность существования монарха, который «удерживает своих подданных в их долге, заставляя любить его», и народов, «всегда и вполне верных своим государям»⁴⁸. Бриссо почтительно упрекает Руссо за то, что он не рассмотрел право на восстание в «Общественном договоре», и замечает, что вопрос о восстании вообще не был должным образом освещен его предшественниками, однако высоко оценивает трактаты Локка о государственном правлении, особенно - обоснование им права суверенного народа на свержение правительства, сожалея, что на это мало обращают внимание во Франции⁴⁹.

Бриссо считает уместным обсудить различные формы восстания. Очень любопытно, что он знает о так называемом ненасильственном сопротивлении: «Существует вид сопротивления, который человеколюбивые политики рекомендуют угнетенным народам предпочесть вооруженной борьбе. Это сопротивление инерции, которое заключалось бы частью в постоянных ремонстрациях правительству, частью в "non-faire"». С одной стороны, Бриссо не приемлет «метод индийцев»: «...они умирают под ударами, но не подчиняются, а деспотизм царит в Индии на протяжении 15 веков». И заключает: деспотизм не исчезает сам собой, он уничтожается лишь революцией, разумом, который санкционирует восстание⁵⁰.

С другой стороны, Бриссо полагает, что восстание вовсе не обязательно влечет за собой жестокости, насилия, ужасы. По его мнению, виновные в них восставшие должны быть наказаны. Поэтому он готов одобрить казнь Пугачева, хотя и оговаривается, что не располагает достаточно объективной информацией из России⁵¹. Бриссо уверен, что просвещенной нации восстание абсолютно не грозит нарушением мира, безопасности граждан, какими-либо затруднениями в развитии торговли, ремесел⁵². Таков его взгляд на восстание и накануне революции: письма Иосифу II были переизданы в Дублине в 1788 г.

После 14 июля 1789 г., по нашим наблюдениям, вопрос о народном восстании исчезает из памфлетов Бриссо и не обсуждается в «Патриот Франсэ». Более того, 4 августа 1789 г. эта газета пишет об опасных последствиях революционного энтузиазма в тот момент, когда революция уже совершена⁵³. Летом 1791 г. в период политических волнений, вызванных бегством короля и событиями на Марсовом поле, Бриссо вновь возвращается к этой теме. Он убежден теперь, что при наличии конституции одобрение любых перемен, выражающих «общую волю», может происходить только путем обсуждения и убеждения. Бриссо стремится отвести от «республиканцев» обвинение в подготовке восстания и подчеркивает, что благодаря привычке к свободе и прогрессу разума люди учатся отвергать всякую мысль о мятеже против установленного закона, даже несовершенного, ибо конституция всегда предоставляет мирные средства его улучшения⁵⁴. 5 сентября 1791 г. «Патриот Франсэ» упоминает о восстании как о самом мощном средстве поддержания национального суверенитета, но в то же время объявляет его миражом, «возвращаясь» к Монтескье: «Чем многочисленнее нация, чем более она распылена на обширной территории, тем менее возможно восстание»⁵⁵. 28 сентября в Клубе якобинцев Бриссо, защищая народные общества, заявил, что право обсуждать законы и действия администрации - насущная необходимость свободной нации. Лишив народ права на удовлетворение этой потребности, можно толкнуть его на восстание⁵⁶.

Приведенные примеры показывают, что летом - осенью 1791 г. Бриссо рассматривал восстание как альтернативу нормальному и даже демократическому развитию общественной жизни, что свидетельствует о заметном, по сравнению с дореволюционным периодом, стремлении к политическому равновесию, умеренности. Это наблюдение косвенно подтверждается и тем, что нам не удалось обнаружить ни одного намека на благожелательное отношение Бриссо к восстанию, ни тем более призывов к нему вплоть до лета 1792 г. Однако налицо и иная тенденция: оживление внимания к самой теме «восстание» по сравнению с 1789-1790 гг., которая достигает апогея в августе 1792 г., когда Бриссо печатает в «Кроник дю муа» отрывок из упоминавшихся «Философских писем о св. Павле», обосновывающий право на восстание и свержение королевской власти⁵⁷. Возможно, один из признаков этой тенденции в политике Бриссо - осуждение им 5 сентября 1791 г. Барнава, считавшего спокойствие первой потребностью общества, а свободу счастливым «излишком», «не являющимся необходимым в точном смысле слова»⁵⁸.

После открытия Конвента и до самой смерти Бриссо - в большей степени, чем когда-либо, - сторонник социальной стабильности внутри страны; если он и говорит о желательности новой революции, то имеет в виду уничтожение влияния своих политических противников - «анархистов»⁵⁹.

Источники позволяют приблизительно и в самых общих чертах выделить периоды усиления и ослабления интереса Бриссо к восстанию. Наиболее ярко и полно писал он о восстании в 80-е годы, накануне революции. Затем наступил очевидный спад. Новый подъем наметился не позднее лета 1791 г., однако все, что писал Бриссо о восстании народа⁶⁰ в это время выражено значительно слабее, менее энергично и с большим количеством негативных оговорок, чем до 1789 г., или в лучшем случае (август 1792 г., «Кроник дю муа») представляет собой фрагмент сочинения, написанного задолго до революции. Наконец, последний период творчества и политической деятельности Бриссо отмечен не просто отсутствием особого интереса к восстанию, как, например, после 14 июля 1789 г., но открытой борьбой против всех, кто к нему призывает.

Итак, исследование вопроса о восстании и проблемы отчуждения власти приводит нас к выводу о постепенном и, скорее всего, поэтапном нарастании консерватизма Бриссо, уживавшегося с его революционными взглядами и усилиями.

Какие же гарантии политической стабильности и одновременно наиболее исчерпывающего выражения «общей воли» предусматривал Бриссо?

Как уже известно, в 80-е годы, следуя Руссо, он исходил из отчуждения всех властей, даже основанных на представительстве, от общества. Поэтому, стремясь разделить и обуздать их, Бриссо уже в ранних работах по конституционным вопросам⁶¹, созданных накануне созыва Генеральных штатов, развивает идею иерархии властей, дифференциации их функций и взаимного контроля. Если законодательной власти надлежит служить преградой против любых посягательств правительства на суверенитет нации и права граждан, то и самим законодателям - представителям народа - нужна прочная узда. Поэтому Бриссо «надстраивает» традиционную пирамиду власти и помещает на ее вершине так называемую учредительную власть (*pouvoir constituant*)⁶², которой располагает вся нация. Учредительная власть сходна, таким образом, с

суверенитетом, однако у нее есть специальный орган - Конвент - чрезвычайная ассамблея, избираемая для составления проектов Декларации прав, Конституции и поправок к ней. Осуществляя эти полномочия, Конвент, по мысли Бриссо, надежно защитит нацию от узурпации ее прав ее же представителями в законодательном корпусе. Прообраз такого органа власти - учредительный конвент в Филадельфии, состоявший из 55 человек и выработавший в 1787 г. Конституцию США, которую затем в течение 1787-1788 гг. ратифицировали конвенты штатов⁶³. Бриссо, таким образом, учитывал конституционный опыт заокеанской республики. Он обращает внимание на недостаточное знакомство французских политиков с этим опытом, делая исключение только для Сийеса и составителей Мантского наказа⁶⁴. И все же сам аббат Сийес, по мнению Бриссо, заблуждается, допуская возможность конституирования нации ее представителями, даже чрезвычайными, без санкции народа. Свою точку зрения Бриссо высказывает и в конституционном комитете, и на страницах «Патриот Франсэ», откликаясь на проект Декларации прав, составленный Сийесом⁶⁵.

В своем подходе к учредительной власти Бриссо выделяет два момента. Во-первых, недопустимость смешения ее функций с кругом обязанностей и полномочий публичных властей (законодательной, исполнительной, судебной), ибо это неизбежно «ведет к деспотизму»⁶⁶. Во-вторых, необходимость ратификации решений, принятых Конветом (Учредительной ассамблеей), народом. Только при этом условии они получают законную силу. «Но как получить это одобрение двадцати шести миллионов человек? Примут ли все предложенные замечания и поправки? Как их связать?.. Будут трудности, я не отрицаю, но преодолимые... В Америке получено согласие четырех миллионов на федеральный план. То, что смогли свершить четыре миллиона, по плечу и двадцати шести миллионам; образ действий свободных американцев может быть легко применен к условиям Франции»⁶⁷.

Бриссо полагает, что для окончательного утверждения постановлений учредительного корпуса необходимо получить согласие огромного большинства французов, а именно - двадцати одной провинции из тридцати двух. Последовательно придерживаясь принципа обязательной «народной санкции», он даже критикует тот же американский проект, в котором поправки к конституции поставлены в зависимость от согласия двух третей членов конгресса или требования двух третей легислатур штатов, что, по мнению Бриссо, «полностью лишает народ учредительного права». Кроме того, целью без риска для насильного суверенитета доверить учредительную власть постоянному Конвету, он должен созываться через определенные промежутки времени⁶⁸.

Эти идеи в 1789-1790 гг. применил к различным обстоятельствам Бриссо высказывает и через «Патриот Франсэ». 8 августа 1791 г., т.е. спустя три недели после расстрела на Марсовом поле, в момент, когда Собрание занялось пересмотром конституции, Бриссо выступает в Якобинском клубе с речью «О Конвентах», в которой развивает и дополняет свои прежние взгляды на учредительную власть. Он называет ее теперь не только «pouvoir constituant», но и «pouvoir conservateur», подчеркивая, что Конвент должен бороться с узурпацией публичных властей и гарантировать неприкосновенность конституции, не ограничиваясь составлением ее проекта и внесением поправок. Таким образом, Бриссо определяет главную задачу - участие в непосредственной политической борьбе. Он расширяет функции Конвента. Учредительный корпус обязан контролировать не только законодательную власть (что особо отмечалось в 1789-1790 гг.), но и исполнительную, их взаимоотношения, ибо они могут объединить усилия в стремлении узурпировать права народа⁶⁹. В этом предложении, очевидно, отразилась борьба по поводу судьбы короля после неудачной попытки к бегству и самой королевской власти, а также отрицательное отношение Бриссо к «поправению» Собрания.

Существование законодательной и исполнительной власти без «pouvoir conservateur» - общественное бедствие, «ибо нет формы правления ужаснее, чем полусвободная. Всё злоупотребления имеют тут силу законов. Существует предел тирании одного человека, но делегированные власти при конституции, по видимости свободной, остающейся незавершенной, могут довести злоупотребления до невероятной степени, когда нет ни одного конституционного средства их пресечения». Именно отсутствием должного гаранта объясняет Бриссо принятие Собранием законов о чрезвычайном положении и против петиций, нарастание «угрозы тирании в обличье законных форм»⁷⁰.

Стремление к увеличению роли учредительной власти, которую Бриссо рассматривает в качестве противовеса «тормозящим» революцию шагам Учредительного собрания, проявляется и в более четком, реальном, чем ранее, описании механизма ее функционирования. Он считает важным осудить систему, которая представляется истинной некоторым «настоящим патриотам,

искренне верующим в суверенитет народа». Бриссо имеет в виду точку зрения аббата Фоше и газеты «Буш де Фер»⁷¹. Не сомневаясь в том, что только народ располагает учредительной властью, Бриссо спорит с Фоше, отрицая необходимость непосредственного осуществления ее народом. Более того, реализовать предложения руководителей «Социального кружка» невозможно: обсуждение даже одного пункта конституции всеми первичными собраниями может привести лишь к раздорам и анархии; речь идет о 6-7 тыс. собраний активных граждан, причем число их увеличится до 12 тыс., если примут участие и пассивные. Если же понадобится не только составлять или корректировать конституцию, но и устранять узурпации со стороны делегированных властей, то каким образом пробудить у всей нации желание обсуждать эти узурпации? Те же власти легко сорвут такое обсуждение, если все будет решаться на уровне первичных собраний⁷².

Поэтому Бриссо берет под защиту систему представительства, осужденную Руссо и поставленную под сомнение им самим в 80-е годы. «Мне хорошо известно, что Руссо сказал: «С того момента, как народ выбирает себе представителей, он перестает быть свободным». Если бы Руссо сказал: «Чистая демократия небольшого народа дает больше свободы, чем представительная демократия», - это было бы правдой. Но утверждать, что люди перестают быть свободными с того момента, как они представлены, значит приближать Константинополь к Лондону: все-таки между их режимами существует некоторая дистанция»⁷³. Руссо, по мнению Бриссо, заблуждался, ибо перед его глазами не было американского примера. Однако существенно, что «усовершенствование» им Руссо идет (как в знаменитом памфлете Сийеса⁷⁴) путем выстраивания еще одного «этажа» представительства, который должен обладать самыми большими полномочиями.

Конвент - единственный пригодный, по Бриссо, орган учредительной власти - не должен быть лишь собранием редакторов, чей проект подлежит санкции первичных собраний. В отличие от своих выступлений в 1789-1790 гг. теперь он утверждает, что подобную санкцию можно получить только в небольших государствах типа Женевы; для Франции же - это химера. Конституция, действительно, должна быть ратифицирована, но не путем референдума, а на ближайшем Конвенте, решения которого не нуждаются в чем-либо одобрении. Конвент должен собираться регулярно и не по инициативе народа, а в установленный срок⁷⁵ «Сумма моментов, когда народ может свершать общественные дела, очень мала; он устаёт от частых собраний, видит в выборах лишь повинность, а не осуществление своего суверенитета. Так же народ отнесется и к Конвентам, если они будут происходить только по его требованию. Утомившись от вопросов, в которых зачастую ничего не понимает, он откажется пойти навстречу просьбам, и вряд ли когда-нибудь удастся собрать достаточное для созыва Конвента количество подписей»⁷⁶. Любопытная аргументация, сама по себе свидетельствующая о серьезной политической эволюции Бриссо. На сей раз он не ограничивается, как в 1789 г., декларацией о необходимости периодических Конвентов и, соглашаясь с Петионом⁷⁷, полагает, что первый Конвент должен состояться через пять лет⁷⁸, а в дальнейшем - собираться через каждые двадцать лет⁷⁹. Таким образом, создавая «идеальный тип» достаточно концентрированной власти, чьи решения не зависят от первичных собраний и контролируют практически все основные проблемы государственного управления, Бриссо переносит его материализацию в довольно далекое будущее.

После 1791 г. взгляды Бриссо на учредительную власть развивались некоторое время в том же направлении. 26 июля 1792 г. он выступает категорически против обращения к первичным собраниям по поводу судьбы королевской власти: «Более чем кто-либо я почитаю суверенитет народа, но он мне слишком дорог, чтобы рекомендовать шаг, который неминуемо погубит его... Кто вам сказал, что множество собственников и мирных граждан припишут свои беды не слабости исполнительной власти, а ее преступной бездеятельности, что они не примкнут к ней?»⁸⁰ 16 октября 1792 г. Бриссо заявил в Конвенте: «Как основа конституции уничтожение королевской власти должно быть представлено на утверждение народа, но как мера, необходимая для спасения государства, оно не нуждается в этом, ибо народ санкционировал ее заранее, поручив нам свое спасение»⁸¹. Допустив теоретическую возможность формального одобрения действий Конвента народом, Бриссо тут же доказывает отсутствие необходимости в подобной ратификации. Здесь же он утверждает: «Если вы хотите предоставить народу инициативу, выдвигая на его рассмотрение каждую из статей конституционного кодекса, у вас никогда не будет конституции»⁸².

Так, Бриссо постепенно расширяет права учредительного корпуса за счет первичных собраний и публичных властей. В его высказываниях прослеживается тенденция, которая впоследствии превратила Конвент в единственную власть и породила революционную диктатуру. Бриссо, однако, не был сторонником этой формы государственной власти⁸³. Более того, на завершающем этапе своей политической карьеры, пытаясь остановить революцию, он не раз предлагал обратиться с апелляцией к народу по «учредительным» вопросам. В известной речи Бриссо 1 января 1793 г. читаем о необходимости санкции первичных собраний для казни короля, а знаменитое обращение к доверителям от 22 мая 1793 г. содержит призыв к первичным собраниям как к одному из средств борьбы с монтаньярами внутри Конвента и по всей стране⁸⁴. Любопытно, что параллельно с этим «поворотом» к первичным собраниям намечается и стремление Бриссо усилить исполнительную власть, сделать ее более энергичной⁸⁵.

Вклад лидера Жиронды в теорию и практику учредительной власти несомненен. Практически на протяжении всей своей революционной деятельности он считал необходимым создание и упрочение Конвента, функции которого не должны были совпадать, по его замыслу, с законодательными, исполнительными или судебными. Именно в этом несовпадении Бриссо видел лучшую политическую гарантию стабильности и в то же время реальную возможность осуществить суверенитет нации. Однако Конвент, едва появившись, стал постепенно не только контролировать, но и объединять в себе привычную триаду власти. Это не соответствовало представлениям Бриссо о его роли. Отсюда эволюция отношения к особому учредительному корпусу - от пропаганды идеи Конвента в 1789 г. как органа, ответственного за составление Декларации прав, конституции и поправок к ней, чьи решения подлежат ратификации народом, а полномочия требуют расширения (в 1791 - 1792 гг.), распространения их на надзор и контроль над всеми другими властями, включая исполнительную, до стремления в 1793 г. к децентрализации власти революционного Конвента после того, как она вышла из-под контроля, опоре на исполнительную власть и первичные собрания.

Сходные с учредительной властью функции Бриссо возлагает на общественное мнение - лучший индикатор «общей воли». Его оценка роли социально ориентированного массового сознания, способов влияния на него заслуживает специального исследования. В данном случае мы затронем лишь один из аспектов этой серьезной темы, а именно: отношение Бриссо к патриотическим обществам, кружкам, клубам⁸⁶, которым Жиронда отводила наряду с прессой важное место в своей политике. Участие Бриссо в работе Якобинского клуба, «Социального кружка», Конфедерации друзей истины - факт, не раз отмечавшийся в литературе⁸⁷. Менялось ли его отношение к патриотическим организациям в целом? По нашим сведениям, впервые он подробно изложил свои взгляды на их деятельность в Клубе якобинцев 28 сентября 1791 г.⁸⁸

Речь эта (отрывок из нее был напечатан «Патриот Франсэ» 5 октября) была произнесена в период «конституционной» реакции, когда большинство Собрания провело ряд антидемократических мер и клубы оказались под угрозой. Бриссо настаивает на необходимости существования обществ, заметив, что против них «составлен заговор». Правительство готовит удар, его нужно предупредить. Он полагает, что революция может победить, лишь увеличивая число таких обществ, а дух равенства сохранится только при постоянном общении должностных лиц и простых граждан на их заседаниях. Бриссо выступает против корпоративности, замкнутости, партикуляризма любого рода в работе обществ, пытаясь предотвратить тот момент, когда они станут «жертвами коррупции и интриги»⁸⁹.

По мысли Бриссо, перед патриотическими обществами три цели: обсуждать предполагаемые законы, разбираться в уже принятых и наблюдать за всеми должностными лицами⁹⁰. Осуществление этих задач, реализация права «размышлять и дискутировать» в клубах, кружках и т.п. - это повседневная потребность народа.

Не ограничиваясь перечислением основных направлений деятельности клубов, Бриссо приводит 28 октября 1791 г. в «Патриот Франсэ» конкретный пример - осуждение 4 июля 1791 г. Обществом поощрения мануфактур в Джермантауне (США) закона об акцизе, уже принятого конгрессом. Стремясь дать наглядный образец легального обсуждения, не нарушающего спокойствие страны и в то же время выражающего активное неприятие гражданами «плохого» закона, Бриссо почти полностью цитирует протокол решения упомянутого общества. В нем есть все необходимые атрибуты «законности». В самом начале - ссылка на святость дня 4 июля для всех граждан страны. Затем - напоминание представителям нации о том, что права их доверителей нуждаются в защите от всякого посягательства. Наконец, обсуждаемый закон квалифицируется как опасное нарушение неотъемлемых прав, ради сохранения которых народ доверил депутатам определенные полномочия и создал правительство. После этой

характеристики следует обоснование отрицательного отношения к закону: хотя употребление спиртных напитков не есть первая потребность, легислатура неправомочна вмешиваться в «то, что граждане могут позволить себе в данном случае», ибо где гарантия, что однажды все «столь же необходимые для жизни товары» не окажутся охваченными системой акциза? После обоснования - постановление: не содействовать выполнению закона, принятого конгрессом, и приложить все силы, чтобы добиться его отмены⁹¹. Такова «модель» действия патриотического общества, по Бриссо, в 1791 г.

Однако его отношение к клубам менялось по мере их активизации и перерастания в политическом плане в нечто иное, значительно большее, чем представлялось ему необходимым и допустимым. 10 октября 1792 г. он был исключен из Якобинского клуба, контролируемого теперь монтаньярами, а 24 октября появилось его известное обращение «Ко всем республиканцам Франции о парижском Обществе якобинцев». Признавая, что оставляет общество вопреки желанию, Бриссо, по сути дела, осуждает и саму его деятельность: «Время республиканца очень дорого, он лучше всех знает ему цену. Поверите ли вы... что люди, тщательно рассчитывающие свое время для самообразования, воспитания и поддержания семьи... добровольно согласятся ежедневно жертвовать тремя часами, чтобы выслушивать... доносы или отвратительные проповеди?»⁹². В январе 1793 г. Бриссо обвиняет своих врагов-«анархистов» в злоупотреблении доверием народа, в попытке подменить его суверенитет всевластием отдельных групп и толпы⁹³.

Таким образом, изменение отношения Бриссо к клубам очевидно. Если летом - осенью 1791 г. он готов видеть в них своего рода гарантию торжества революции и определенной политической стабильности, «уполномочивает» их обсуждать любые законы и действия администрации, то со второй половины 1792 г. рассматривает общества как существенный фактор дестабилизации, послушное орудие «анархистов». Для расширения представлений об этой эволюции было бы важно понять место прессы - одного из важнейших средств формирования и отражения общественного мнения - в системе функционирования «общей воли» по Бриссо.

Конечно, предложенными аспектами тема «Бриссо о государстве» далеко не ограничивается. Так, дальнейшее исследование должно неизбежно обратиться к взглядам Бриссо на роль государства в отношениях собственности. Тем не менее уже сейчас ясно: изучение подходов Бриссо к проблемам государственной власти, ее инструментам помогает в уточнении характера и периодов политической активности вождя Жиронды, способствует пониманию специфики того этапа революции, с которым связан его «звездный час».

Примечания

¹ Soboul A. La Civilisation et la Revolution francaise. P., 1982. T. 2: La Revolution francaise. P. 507.

² Люблинский П. И. Уголовно-правовая охрана частной собственности в период образования капитализма // Проблемы социалистического права. М., 1938. Кн. 3. С. 147, 150, 155-156, 159-160.

³ См.: Герцензон А. А. Уголовно-правовая теория Жана Поля Марата. М., 1956. С. 84.

⁴ Герцензон А. А. Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII в. М., 1962. С. 143, 145.

⁵ См.: Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М. 1977.

⁶ McDonald I. Rousseau and the French Revolution 1762-1791. L., 1965.

⁷ Barny R. Les aventures de la theorie de la souverainete en 1789: (La discussion sur le droit de veto) // La revision des valeurs sociales dans la litterature europeene a la lumiere des idees de la Revolution francaise. P., 1970; *Idem*. Jean-Jacques Rousseau dans la Revolution // Dix-huitieme siecle. 1974. N 6.

⁸ Dorigny M. Les Girondins et Jean-Jacques Rousseau // Annales historiques de la Revolution francaise. 1978. N 234.

⁹ Chaumie J. Les Girondins // Actes du Colloque Girondins et Montagnards. Sorbonne, 14 decembre 1975. P., 1980. P. 33-34.

¹⁰ Barny R. Jean-Jacques Rousseau dans la Revolution. P. 83.

¹¹ Hampson N. Will and Circumstance. Montesquieu, Rousseau and the French Revolution. L., 1983.

¹² *Ibid*. P. 93, 96, 100, 105-106.

¹³ Brissot J. P. Memoires. P., S. a. Vol. 1-2.

¹⁴ Олар А. Политическая история французской революции: Происхождение и развитие демократии и республики, 1789-1804. М., 1938; *Ellery E. Brissot de Warville: A study in the history of the French revolution.* Boston; N. Y., 1915.

¹⁵ Un defenseur du peuple a l'Empereur Joseph II, sur son reglement concernant l'emigration, ses diverses, reformes, etc. Dublin, 1785; Seconde lettre d'un defenseur du peuple a l'Empereur Joseph II, sur son reglement concernant l'emigration, et principalement sur la revolte des Valaques, ou l'on discute a fond le droit de revolte du peuple. Dublin, 1785; Lettre a l'Empereur sur l'atrocite des supplices qu'il a substitues comme adoucissement a la peine de mort. Bruxelles, 1787. Через год все три письма были переизданы в книге «Un defenseur du peuple a l'empereur Joseph II» (Dublin, 1788); далее ссылки на письма даются по этому последнему изданию.

¹⁶ Premiere lettre... P. 15.

¹⁷ Бриссо называет Прайса «лучшим политическим писателем Англии» и ссылается в данном случае на его сочинение: *Two tracts on civil liberty, the war with America and the debts and finances of the Kingdom: with a general introduction and supplement / By R. Price. L., 1778.* (Ibid. P. 15, 18).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. P. 21, 22.

²⁰ Seconde lettre... P. 22.

²¹ Ibid.

²² Correspondence sur ce qui interesse le bonheur de l'homme et de la Societe. L., 1782. Vol. 2, N 3. P. 150.

²³ Premiere lettre... P. 22.

²⁴ Бриссо сам был свидетелем событий 1782 г. в Женеве и посвятил им работу: *Le Philadelphien a Geneve ou Lettres d'un Americain sur la derniere Revolution de Geneve...* Dublin, 1783, а также многие страницы «Мемуаров» (Brissot J. P. *Memoires.* Vol. 1. P. 244-301).

²⁵ *Brissot de Warville J. P. Notes Relatives au Plan de conduite pour les Deputes du Peuple aux Etats-Generaux de 1789.* S. 1. 1789. P. 32 (Note sur les derniers troubles de Geneve).

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. P. 245.

²⁹ Premiere lettre... P. 22.

³⁰ *Brissot de Warville J. P. Precis adresse a l'assemblee generate des electeurs de Paris pour seryir a la redaction du cahier des doleances de cette ville.* P. 1789. P. 7-8.

³¹ *Brissot de Warville J. P. Notes Relatives au Plan de conduite...* P. 32.

³² *Brissot J. P. Discours sur la question de savoir si le roi peut etre juge, prononce a l'Assemblee des Amis de la Constitution dans la seance du 10 juillet 1791.* P., S. a. P. 26.

³³ *Brissot J. P. Recueil de quelques ecrits, principalement extraits du «Patriote Francais», relatifs a la discussion du parti a prendre pour le roi, et de la question sur le republicanisme et la monarchie.* P., 1791. P. 13.

³⁴ *Patriote Francais.* 1792. 23 janv. P. 89.

³⁵ Ibid. 8 mars. P. 271.

³⁶ *Archives Parlementaires de 1787 a 1860. Recueil complet des debate legislatifs et politiques des chambres francaises.* Ser. 1: 1787 a 1799. P., 1895. Vol. 46. P. 263 (далее: AP).

³⁷ Ibid. 1896. Vol. 47. P. 647.

³⁸ *Patriote Francais.* 1789. 4 aout. P. 3.

³⁹ *Brissot J. P. A tous les republicans de France, sur la Societe des Jacobins do Paris.* P., 1792. Этот памфлет был переиздан Р.Эдвардсом и Т.Спилсбери в Лондоне в 1794 г. также на французском языке вместе с тремя выступлениями Бриссо по внешнеполитическим проблемам и его обращением к своим доверителям от 22 мая 1793 г. Цит. по последнему изданию (P. 169).

⁴⁰ *Brissot J. P. De la marche des agitateurs // Chronique du mois.* 1793. janv. P.46.

⁴¹ *Chaumie J.* Op. cit. P. 33, 34.

⁴² Premiere lettre... P.22-23.

⁴³ *Lettres philosophiques sur St. Paul, sur sa doctrine politique, morale et religieuse et sur plusieurs points de la religion chretienne consideres politiquement.* Traduit de Panglais par le philosophe de Ferney, et trouvees dans le porte-feuille de M. V., son ancien secretaire. Neuchatel, 1783; *Brissot J. P. Memoires.* Vol. 1. P.61.

⁴⁴ *Lettres philosophiques...* P.88-89.

⁴⁵ Ibid. P. 85.

⁴⁶ Premiere lettre... P. 23.

С. Я. Карп

БРИССО О ГОСУДАРСТВЕ

- ⁴⁷ Correspondance... Vol. 2. N 3. P. 149.
- ⁴⁸ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 109. 49 Premiere lettre... P.14.
- ⁴⁹ Ibid.. P. 57.
- ⁵⁰ Ibid. P. 61.
- ⁵¹ Ibid. P. 35.
- ⁵² Patriote Francais. 1789. 4 aout. P. 3.
- ⁵³ *Brissot J. P.* Recueil de quelques ecrits. P. 3.
- ⁵⁴ Patriote Francais. 1791. 5 sept. P. 278.
- ⁵⁵ Ibid. 5 oct. P. 407.
- ⁵⁶ Chronique du mois. 1792. Aout. P. 70-76.
- ⁵⁷ Patriote Francais. 1791. 5 sept. P. 277.
- ⁵⁸ *Brissot J. P.* A tous les republicans de France... P. 166.
- ⁵⁹ Мы не касаемся здесь такой темы, как место восстания во внешнеполитических замыслах Бриссо.
- ⁶⁰ *Brissot de Warville J. P.* Notes Relatives au Plan de conduite. . .; *Idem.* Precis adresse a l'assemblee generate des electeurs de Paris. . .
- ⁶¹ Об учредительной власти см.: *Roy C.* Du pouvoir constituant dans les differents constitutions de la France et dans les principales legislations etrangeres. Poitiers, 1893; *Godechot J.* Les institutions de la France sous la Revolution et l'Empire. P., 1968.
- ⁶² *Gidney L. M.* L'influence des Etats-Unis d'Amerique sur Brissot, Condorcet et M-me Roland. P., 1930.
- ⁶³ *Brissot de Warville J. P.* Notes Relatives au Plan de conduite... P. 224.
- ⁶⁴ Patriote Francais. 1789. 1 aout. P. 2-3. (Declaration des droits preliminaires de la Constitution; reconnaissance et exposition raisonnee des droits de l'Homme et du Citoyen par M. l'abbe Sieyes. P., 1789. Juill.); *Brissot J. P.* Memoires. Vol. 2. P. 105-106.
- ⁶⁵ *Brissot de Warville J. P.* Precis adresse a l'assemblee generale des electeurs de Paris... P. 6-7.
- ⁶⁶ *Brissot de Warville J. P.* Notes Relatives au Plan de conduite... P. 241.
- ⁶⁷ Ibid. P. 245.
- ⁶⁸ *Brissot J. P.* Discours sur les Conventions, prononcee a la Societe des Amis de la Constitution, le 8 aout 1791. P., S. a., P. 1-3, 4.
- ⁶⁹ Ibid. P. 5, 6.
- ⁷⁰ Ibid. P. 15.
- ⁷¹ Ibid. P. 16, 17.
- ⁷² Ibid.
- ⁷³ *Sieyes E.* Qu'est ce que le tiers etat. P., 1789.
- ⁷⁴ *Brissot J. P.* Discours sur les Conventions... P. 18, 19, 22. Кондорсе, например, считал необходимыми и непериодические, и регулярные Конвенты: первые должны устранять злоупотребления, вторые - предотвращать их // *Patriote Francais.* 1791. 23 aout, (Цит. по: *Gidney L. M.* Op. cit. P. 108).
- ⁷⁵ Ibid. P. 23.
- ⁷⁶ Интересно, что Петион усматривал зачатки идеи Конвента у Солона, Мабли (мысль о специальной комиссии, занимающейся положением дел в правительстве - 8-е письмо «О правах и обязанностях гражданина») и Руссо (характеристика Трибуната в «Общественном договоре» - кн. 4, гл. 5). См.: *Petion 1.* Discours sur les Conventions nationales, prononce a la Societe des Amis de la Constitution, seante aux Jacobins, le 7 aout 1791. P., 1791. P. 31-33.
- ⁷⁷ Здесь не совсем понятно, ибо Петион говорил о 1800 г. как о желательной дате ближайшего Конвента. Согласно же решению Собрания, первый пересмотр конституции мог произойти не ранее конца 1801 г. См.: *Олар А.* Указ. соч. С. 205.
- ⁷⁸ *Brissot J. P.* Discours sur les Conventions... P. 23.
- ⁷⁹ *Brissot J. P.* Opinion sur la marche a suivre en examinant la question de la Decheance et les autres mesures. P., 1792. P. 8-9.
- ⁸⁰ AP. 1897. Vol. 52. P. 526.
- ⁸¹ Ibid.
- ⁸² *Brissot J. P.* Opinion sur les mesures de Police generate proposees par M. Gensonne. P., 1792. P. 5; *Idem.* Opinion sur la marche a suivre en examinant la question de la Decheance... P. 7-8.

⁸⁴ *Brissot J. P.* Discours sur le Proces de Louis, prononce a la Convention nationale le 1er Janvier 1793, 1'an deuxieme de la Republique. P., 1793. P. 2-14; *Idem.* Depute du departement d'Eure et Loire a ses commetans, sur la situation de la Convention Nationale, sur 1'influence des Anarchistes et les maux qu'elle a causee, sur la necessite d'aneantir cette influence pour sauver la Republique. P., 1793. P. 154-155 (ссылки приводятся по лондонскому изданию 1794 г.).

⁸⁵ *Brissot J. P.* Depute du departement. . . P. 130.

⁸⁶ На эту сторону деятельности Бриссо обращала внимание еще Э. Эллери - *Ellery E.* Op. cit. Ch. 7.

⁸⁷ *Ellery E.* Op. cit.; *Алексеев-Попов В. С.* «Социальный кружок» и республиканское движение 1791 г. // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957.

⁸⁸ *Brissot J. P.* Discours sur l'utilite des Societes patriotiques et populaires, sur la necessite de les maintenir et de les multiplier partout. P. 1791

⁸⁹ *Patriote Francais.* 1791. 5 oct. P. 406-408.

⁹⁰ *Ibid.* P. 407.

⁹¹ *Ibid.* 28 oct. P. 495.

⁹² *Brissot J. P.* A tous les Republicans de France... P. 207.

⁹³ *Brissot J. P.* De la marche des agitateurs // *Chronique du mois.* 1793. Janv. P. 47.